

К.П. Северинец (поэт)

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

У каждого — своя память.
Его бородатый портрет –
на моём рабочем столе.
Прямо перед глазами.
Учитель.

Он великодушно позволял называть себя Володей. Хотя был старш нас на добрый десяток лет и целую войну, потому как родился в «сорок вые роковые», и отца помнил лишь по портретам:

На петлицах шпалы,
до погон не дожил,
молодой, пригожий,
без вести пропалый.

Под семьдесят было б...
Держался б, тянулся...
Да вот не вернулся,
смышлёный, погиблый.

На сына, на внука
глядит со стены
сгоревший без звука
работник войны.

И вслед — пронзительное, до сердечной боли:

В панамках цвета седины
в аллеях пушкинского сада
всё меньше их, тех, коренных,
хлебнувших из ковша блокады.

Ещё немного... и они
уснут в саду уже с крестами,

в истории своей страны
страницы чистые оставив.

С неоглядной бесшабашностью он рвал дистанцию академических взаимоотношений и в учебной аудитории, и в стройотряде, где комиссарствовал по-республикански, и на студенческих пирушках в общежитии, скидываясь «по рублю» на равных.

Филфак по-разному к этому относился: кто одобрял, кто завидовал, кто подтрунивал, а кто и постукивал «куда надо».

А ему, казалось, глубоко наплевать на внешнюю атрибутику университетских порядков.

Он совершал глупости вместе с нами.

И одновременно пытался удержать нас от этих самых глупостей.

Душа — нараспашку!

И не было в этом ни позы, ни рисовки, ни фальшивого стремления понравиться.

Эдакое кирсановское «жил-был я... (стоит ли об этом?)» в натуре.

При этом, словно играючи, он в науке достиг докторской степени и профессорского звания, обогатив русскую филологию глубоким новаторским исследованием «Язык как система», увлёк своими идеями талантливых последователей.

А попутно написал и издал две поэтические книжки «Амальгама» и «Дао».

— Саша! Ну, зачем вам писать стихи? — искренне удивлялся проницательный до серьёзности Карпов, попрекая в слабости к стихотворству одного молодого сочинителя.

— Вы — стройный, высокий, кучерявый, в баскетбол играете... Вас и так девушки любят.

Это нам с Костиком надо сильно постараться, чтобы привлечь внимание...

Примерно так же и в той же тональности, говорят, с ним самим общался корифей мирового славяноведения, его заведующий кафедрой Адам Евгеньевич Супрун:

— Володя! У вас такие блестящие перспективы в лингвистике, а вы рифмоплётствуете напрапалую, — укорял мэтр молодого кандидата наук.

— Давайте я договорюсь об издании ваших поэтических экзерсисов отдельной книжкой, а вы под честное слово филолога перестанете охальничать рифмами...

Такой компромисс Карпова не устроил.

...Навсегда мы распрощались в зябком минском крематории.

Ну, вот, подумал я тогда, классический расклад: брэнное тело — в огонь преисподней, возвышенная душа крематорским дымком — в небо, холодная горсточка пепла — близким на вечную память.

А мне — «Амальгама» с дарственной надписью-пожеланием «новых стихов и внуков, светлых мыслей и такого же неба».

И вещи строчки, отмеченные мной закладкой:

Не притворялась, что большая
жизнь,
а такую и была.
И приучала жить без жалоб
и боль считать превыше благ.

При равновесии бросала
фунт лиха,
чтобы вверх взлетал.
Была надёжнейшим креслом,
когда я в темноте шлутал.

И недозволенную шалость
позволила,
махнув рукой, —
понять, что всё, что жить мешало,
и было — жизнью! И какой!

Собираю крохи воспоминаний.
А они рассыпаются.
Их всё меньше, меньше...
Простите, Владимир Александрович.
Володя.